

ЯРОСЛАВ ГАШЕК

Рассказы

К 90-летию со дня рождения

Перевод с чешского и вступление С. ВОСТОКОВОЙ

Советские читатели мало знают молодого Гашека. Гашек — автор «Швейка», сатирик совсем заслонил Гашека — бытописателя и юмориста, каким он впервые предстал перед чешской читающей публикой.

А начало его творчества тоже было ярким и самобытным.

Все началось с путешествий... Юношеские рассказы Гашека рождались в результате его многочисленных странствований по всей Австро-Венгрии, в состав которой входила тогда и Чехия. Вначале это были короткие путевые картинки, очерки, отражавшие впечатления юноши о новых для него людях и обычаях. Поскольку Гашек путешествовал первое время главным образом по сельским окраинам империи (Словакия, Словения, Галиция и другие), его основной темой стала деревенская жизнь.

Скоро у молодого автора выработался свой принцип отбора материала, своя «внутренняя тема» и путевые зарисовки переросли в рассказы, новеллы и юморески.

Сам полунищий-полубродяга, странствовавший обычно без гроша в кармане, Гашек прежде всего обращал внимание на жизнь бедняков, тружеников, рисуя их с сочувствием и симпатией. Демократический настрой его творчества сложился естественно, как нечто само собой разумеющееся.

В рассказах о сельских тружениках громко зазвучала и «внутренняя тема» начинающего писателя, определявшая как выбор героев, так и построение сюжетов и разрешение конфликтов, — «человек и природа». Героями Гашека становятся люди, живущие в непосредственной близости к природе: пастухи, рыбаки, охотники, лесорубы. Молодой автор любит цельность их характеров, силой страстей, искренностью чувств.

Отсюда романтическая окраска этих произведений и лиризм — такие, казалось бы, неожиданные у будущего автора «Швейка».

Подробными описаниями природы, быта, обычаев, жилищ и одежды своих героев Гашек продолжал традиции чешской так называемой «деревенской прозы», но присущие ей сентиментальность и идилличность ему помогал преодолевать юмор, который придавал слегка ироническую окраску даже самым его романтически приподнятым рассказам.

Таковы лирическая новелла «Гей, Марка!», поэтическая обработка народной баллады «Умер Мачек, умер...», романтически-ироническая юмореска «Вино лесов, вино земляничное», опирающаяся на народные поверья бытовая повесть «Страшная клятва» и многие другие. К этой группе относятся и публикуемые нами рассказы «Поссорились» и «Любовь в Мезимурье».

Возникли они на основе впечатлений Гашека от странствований по Словакии и Хорватии, в частности последнего его длительного путешествия летом 1905 года. (Первый рассказ был напечатан в газете «Народни листы» в декабре того же года, второй — в двухнедельнике «Беседы лиду» лишь в 1913 году.)

Но недолго господствовала в творчестве Гашека беззаботность молодости, все настойчивее стала вытеснять ее суровая сатира; влюбленные романтики уступили место новым героям: либо бунтарям-протестантам из городской бедноты, либо мужичкам-хитрецам, прикидывающимся простачками и таким способом тоже ведущим борьбу с сильными мира сего.

Юношеские рассказы Гашека, полные сочувствия, доброго внимания и любви к «маленькому человеку»; оказались первыми ростками мощного дерева, отличающимися уже теми началами, которые и сделали Гашека писателем подлинно народным. Ведь во имя простого человека из народа он и будет позднее бичевать и буржуазную верхушку общества, и буржуазный государственный аппарат, и всегда ненавистное ему сытое и самодовольное мещанство.

Любовь в Мезимурье

В архивах Велькой Канижи хранится запись, гласящая, что в 1580 году сюда пришли какие-то люди от реки Муры, которые напали на местный турецкий гарнизон (а Велька Канижа была владением самого султана) и перебили его.

В этом документе сообщается также, что многие из тех людей не имели при себе иного оружия, кроме палок с насаженными на них топориками, и что, забрав в плен оставшихся в живых турок, они отвели их в свои родные края, накормили, показали женщинам и отпустили на свободу.

Дальше в архиве содержится еще жалоба господу богу на этих отпущенных турецких пленных, которые вернулись назад в город, снова им овладели и головы ни в чем не повинных городских советников отослали визирю в столичный Белград.

Когда я сиживал вечерами на равнинах Мезимурья у реки Муры возле больших костров, далеко освещающих распростертую кругом степь, глядел на людей, расположившихся вокруг костра, и слушал их рассказы, я вспомнил об этих записях в велькоканижском архиве. Да, эти парни из Мезимурья остались и теперь такими же. И теперь еще они способны проявлять без оружия чудеса воинской доблести только ради того, чтобы показать женщинам своих пленных.

По крайней мере, история Юро Копальи и Гедвики из Заболян полностью это подтверждает.

Заболяны издавна славятся красивыми девицами и великолепными конями. (Да простят мне читатели это не очень галантное сопоставление!) В Мезимурье эти две «вещи» всегда ставятся рядом, и в песнях, протяжных и тягучих, как гудение ветра по травянистым равнинам, поется, что парень из Мезимурья хотел бы завладеть статной девицей и статным конем. Поется в них еще, что парень посадил бы девицу на красавца коня и помчался бы с ней по Мезимурью до самой реки Дравы.

Там, за Дравой, он продал бы коня и купил своей красавице белый жемчуг и золотыми нитями вышитый казакин. А потом он... Дальше в песне поется нечто не очень красивое: он, видите ли, украл бы своего коня, посадил бы на него возлюбленную и вернулся бы назад в Мезимурье.

Вот об этом, последнем пункте песни я однажды и поспорил с одним старым мезимурянином.

— Нет, какое же это воровство! — спорил со мной старик. — Ведь конь-то был его собственный! Разве можно украсть у себя самого собственного коня? Ты говоришь: он его продал? Так ведь это он продал ради шутки. Нет, нас, мезимурян, никто не обмишулит.

Действительно, обмануть мезимурянина не так-то просто. Однажды один торговец-еврей решил поселиться в Блоте. Так что ж вы думаете? Уже за полгода он лишился всего и должен был перебраться к венграм у Кёрмёнта, чтобы снова встать на ноги. Между прочим, он утверждал, что нет на свете девчат красивее, чем в Блоте. Но это неправда.

Все-таки самые красивые девушки — в Заболянском крае, кто бы там и что бы там ни говорил! Порасспросите-ка торговцев лошадьми, понравилось ли им в Заболянах. Они с восторгом будут вам рассказывать, какие там роскошные кони, и завершат свои восторги примерно такой фразой: «А если коня подведет вам девица из Заболян, да взглянет на вас, такая нега разольется по вашему сердцу, что забудете и поторговаться».

То же самое утверждал и пан Польшар — старый, опытный торговец лошадьми из Велького Вараждина. А ему-то уж нельзя не верить, поскольку он объехал всю округу возле рек Муры, Дравы и Савы, вплоть до самой венгерской степи и очень любил заглядываться на девушек да одаривать их цветастыми платочками.

Он подтвердит и то, что говорят о заболянских девицах: что их любовь не купишь какой-нибудь ниткой жемчуга; именно этим заканчивается та песня, начало которой мы уже слышали. В песне той сообщается, что, когда парень вернулся со своей красавицей в Мезимурье, подарив ей жемчуг и вышитый золотыми нитями казакин, его неверная возлюбленная распрощалась с ним, сказав, что теперь он может идти куда угодно, хотя бы даже к туркам. Добряк послушался и отправился на войну, иначе и быть не могло. «И в стране чужой, в стране турецкой схоронил свое горе».

В целом свете нет таких трудностей с любовью, как на этих зеленых равнинах у реки Муры.

Юро Копалья из Заболян испытал это в полной мере. И когда он ночью проезжал в лодке по бурной реке Муре, до самых степей на правом берегу доносился его отчаянный, тягуче-протяжный призыв: «Гедвика!» — отражавший всю неизмеримость его страданий. Юро разделил это слово на слоги, чтобы как можно дольше тянуть такое прекрасное, такое дорогое ему имя, и в ночную тишину то и дело врывался его вопль: «Ге-двиг-ка!»

Его разрывающий сердце вопль, плывущий по реке и по лугам мезимурянских степей, доносился даже до перевоза у Малой Мужны, до которого от Заболян не меньше часа ходьбы. Услышав этот неразборчивый, идущий из тьмы, с севера крик, перевозчик всегда крестился, утверждая, что это опять бушует Буланя. Но более рассудительные крестьяне, собиравшиеся у перевоза, чтобы выпить и побеседовать, приписывали эти звуки не русалке Булане, а дерущимся между собою дрофам.

По несчастной случайности у крестьянина Григорича исчез как-то ночью пастушонок Шолайя, тогда уж и самые рассудительные поверили, что и впрямь Буланя вышла на ловлю человеческих душ. А крестьянин Крумпотич, возвратившись однажды ночью с перевоза, уверял даже, что прямо у самого перевоза разговаривал с Буланей — это подтвердил и перевозчик Михал.

А дело было так: Крумпотич выпил у Михала шесть литров вина и вышел подышать воздухом. Через несколько минут вернувшийся с берега перевозчик сообщил своим гостям, что Крумпотич ведет на берегу такой разговор:

— Нет, Буланя, не тащи меня в реку, смилуйся над грешным старцем! Ты хочешь проводить меня до Заболян? Ну что ж, проводи меня,

Буланя, моя красавица, проводи старого пса. Много я нагрешил на свете: табак тайком выращивал на кукурузном поле, а в молодости, случилось, и коней поворовывал. Сказать тебе, Буланя, моя красавица, кого я обокрал? Вот послушай: у Мишки безрукого на Хорватской стороне увел двух коней, у Таврича из База — тоже двух, у Гемеса, сквальги-венгра, — только одного, а у Пала и Гулы — по три жеребенка у каждого. Буланя, красавица моя, не губи душу христианскую, душу грешную. Ездили мы, бывало, и за кабанам, аж за Драву... А один раз перегнали их через реку восемьдесят штук. И кто знает — чьи они были. Во всей округе таких не водилось. А мы потом целых три месяца свинину коптили...

На другой день заболанские крестьяне нашли Крумпотича лежавшим на дороге к Блоту, куда они ходили браконьерствовать в королевских лесах Вараждинской жупании.

Он им сказал, что Буланя, после долгих разговоров, швырнула его в конце концов оземь.

Вот поэтому и неудивительно, что Крумпотич предостерегал Юро Копалью против ночной ловли рыбы на Муре.

— А мне все равно, дядюшка, — сказал Юро. — Мне даже было бы лучше, если бы мною полакомились мурские сомы.

Крумпотич был отцом Гедвики, и муки Юро были ему хорошо известны.

— А что, Гедвика еще не передумала? — спросил он Юро.

— Даже и слышать обо мне не хочет, — ответил несчастный парень. — Скорее Мюра высохнет, чем смягчится ее сердце.

Разговор шел у двора Крумпотича, под навесом, где на длинных жердях сушился зеленый перец. Неожиданно перед ними появилась возвращавшаяся из степи Гедвика. Она была в высоких сапогах с длинным кнутом в руке.

— Опять сюда притащилась! — напустилась она на Юро, усаживаясь на скамейку.

— Да, моя голубушка, — нежно ответил Юро.

— Сними с меня сапоги, — приказала она ему.

Юро выполнил приказ с блаженной улыбкой на лице. Но улыбка тотчас же исчезла, как только она прикрикнула на него:

— А теперь убирайся домой!

Ночью Юро ловит сетями рыбу на Муре, и время от времени в ночную тишину врывается его безнадежный зов: «Ге-дв-ка!» Звук замирает вдали, и только крики пролетающих над рекой коростелей нарушают безмолвие ночи.

Голос Юро доносится до перевоза, и старый Михал испуганно крестится:

— Эх, буйствует эта Буланя, буйствует. Опять она кого-то затащила под воду.

Юро плывет в лодочке, на дне которой плещутся пойманные рыбы, и слышит доносящийся с берега приглушенный топот коня.

«Кто это здесь ночью может ехать?» — подумал Юро. Тут с берега раздался знакомый голос Гедвики:

— Эй, Юро! Подплыви к берегу и проводи меня домой, я боюсь!

И само собой понятно, что за этим последовало: Юро шел возле ехавшей на лошади Гедвики и слушал, а она ему рассказывала, что проехала ночью, чтобы посмотреть, что делают четники в карауле в Святом Павле.

— Знаешь, Юро, — поделилась с ним Гедвика, — этот четницкий вахмистр — такой красавец!

Больше не было сказано ни слова, а когда Юро забрался дома на

сеновал и бросился там на сено, он так отчаянно зарыдал, все равно как старая цыганка, когда ее ведут в суд.

Действительно, эта любовь принесла ему много страданий. А ведь всего месяц назад он был еще почти счастлив. Гедвика пасла той ночью коней. Она разложила костер, жарила на огне сало и запекала кукурузу. Юро сидел тогда рядом с ней, и она его угощала. И даже сказала ему, что как будто бы его любит.

Юро не расслышал это «как будто бы», и, пока горел огонь, его не покидало ощущение счастья. Но когда от костра оставалось всего несколько угольков, потрескивавших в ночной тишине, Гедвика повернулась к Юро и сказала ему своим нежным голоском:

— Знаешь, Юро, все-таки я тебя не люблю, я передумала. Ты ужасно глупый. Иди-ка лучше домой.

Обо всем этом размышлял Юро, лежа на сене... Утром он вскочил на коня и уехал в Вараждин. Там он продал коня пану Польшгару и целых четырнадцать дней не показывался в Заболянах. А туда пришли вести, что он пьянствует в вараждинских корчмах, водит за собой цыган-музыкантов и заставляет их играть для утоления своей печали венгерскую песню: «Не жалею, моя милая, не жалею, что умру».

Потом дошли слухи, что он где-то в Орможе дрался со словенцами, а теперь дерется в Птуе с итальянцами, работающими там на стройке дороги.

В общем, с ним все произошло именно так, как поется в одной из песен Мезимурья:

Бросила парня девица,
тонкая, как кукурузный стебель.
Сел он на коня и помчался
с саблей в зубах в дальние страны.
Вернулся он с саблей домой,
только сабля — сплошные зазубрины;
и каждый зубец — людская душа,
к небу, в рай улетевшая.

Правда, в нынешнее время мужчины в Мезимурье уже не такие кровожадные; некоторые даже поговаривают, что они больше грозятся, чем вступают в драку. Но они все же лучше своих соседей — венгерских свинопасов, которые, встретившись вам на пути, просто так, из удалства, пырнут вас ножом да еще при этом приветливо пожелают: «Спокойной ночи».

Юро Копалья орудовал в Орможе и в Птуе лишь своими кулаками. И, раздавая направо и налево удары в маленьких прокопченных корчмах, он хоронил свое горе; а когда пил вино из жбана, бормотал себе под нос: «Погребем свои желанья». Это звучало весьма поэтично, но сам он постепенно превращался в одичавшего бродягу, пробившегося до самого Коршеца за Птуем. Здесь, в рябиновой роще, где он собирался отоспаться, его вдруг охватила совершенно непереносимая тоска.

Она появляется у многих после буйного разгула, в особенности же, когда начинаешь пересчитывать свои гроши. Содержимое же Юринового пояса, в котором он когда-то хранил деньги, представляло сейчас плачевное зрелище. Собственно говоря, и пересчитывать-то было нечего... Юро потянулся, встал и решил начать отступление. Это был уже совсем не тот Юро Копалья, который еще недавно так стремительно покинул родные места, умчавшись на север: теперь это был вполне пристойный молодой человек, который с каждым, встретившимся ему на пути, приветливо здоровался и который даже не пошел через Ормож, поскольку тамошние словенцы более чем дружески ему напомнили: «Назад-то опять через наше село придется идти». Он решил

лучше сделать крюк и повернуть в соседнюю жупанию, а оттуда прямо через Вараждин двинуться в родные свои равнины, в роскошные степи, где такой чистый, прозрачный воздух, что его просто нельзя сравнить со здешним, в этих покидаемых им краях. Там, дома, ему было куда веселее, там он мог любоваться пестрыми табунами коней и необъятными зелеными просторами.

Недалеко от дома Юро остановился передохнуть у перевозчика Михала. Он погладил двух его прирученных волков, которые, играя, на него наскакивали, и осведомился, что нового.

— У нас, в Святом Павле, теперь новый четницкий вахмистр. Пана Фетепу перевели в Кёрмёнт. Жалко его: красивый парень! А нам дали какого-то старого брюзгу, который уже вчера запретил в общинной корчме стрелять из пистолетов во время драки. А ты, говорят, тоже тешил свое сердце драками где-то там, за Дравой?

Юро Копалья, не ответив, повернулся и по кукурузным межам зашагал в родное село. Так, едва вернувшись, он вновь услышал, что пан Фетеп — красивый парень. Впервые это произнесла Гедвика, когда ездила ночью в село Святой Павел посмотреть, что делают четники, а главное, что делает их вахмистр, этот красавец вахмистр.

Теперь пан Фетеп далеко, десять часов ходьбы отсюда — нет, даже больше: до Кёрмёнта часов пятнадцать.

«Так, мне кажется, что ветер поворачивает в другую сторону», — подумал про себя Юро. Разумеется, это имело для него особое значение. К сожалению, ветер по-прежнему дул в том же направлении, в чем он мог убедиться, когда встретившаяся ему у колодца Гедвика даже не взглянула на него и произнесла как бы в сторону:

— Приплелся-таки домой, бездельник.

В этот момент Юро почувствовал себя как побитый пес, и, если бы не был так измучен ходьбой и бурно прожитыми на чужбине днями, он наверняка промочил бы своими слезами все сено на сеновале, не давая ему просохнуть.

На третий день Юро снова увиделся с Гедвикой, и это произошло при тех же обстоятельствах, что и в тот раз, когда после краткого мгновения радости она отняла у него все надежды; как и тогда, в ночной мгле потрескивал костер, освещая коней, которых она пасла.

Она встретила его словами, что хочет видеть Фетепу.

— Похоже, что этот парень с четницкими усами крепко прирос к твоему сердцу, — заметил Юро, зажигая от костра свою трубку.

Голос Гедвики звучал жалобно и нетерпеливо, когда она повторила:

— Я хочу видеть Фетепу!

Это было похоже на требование малого ребенка, который кричит: «Хочу эту игрушку!»

Юро молча смотрел на костер и нервно подсовывал к огню мокрую ветку, какими Мура окаймляла свои берега.

— Так ты его увидишь! — сказал он наконец решительно и твердо, вскочил на коня и исчез с ним во тьме травянистой равнины.

Утром в четницком карауле в Кёрмёнте какой-то человек справлялся о вахмистре пане Фетепе. Ему сказали, что он отправился в патруль по речке Зале от Борозгазы до самой Мюркалы.

Затем этот человек вежливо поблагодарил, сел на коня и уехал.

Один из четников заметил по этому поводу, что, по-видимому, незнакомец покупает скот: уж очень много у него веревок для связывания буйволов.

Юро нашел Фетепу в речной извилине под Борозгазой, тот лежал на сочной береговой траве, растянувшись во весь рост. Винтовку он положил возле себя, как и пояс с саблей, и в блаженном покое наблюдал за противоположным берегом, где, постукивая клювами, бродили два аиста.

— Добрый день, пан вахмистр,— произнес всадник, соскакивая с коня.

— Здорово, Юро. Как это тебя занесло сюда?

— Да тут дело одно есть,— учтиво ответил Юро Копалья.— Не могу ли я попросить вас встать?

Вахмистр механически поднялся и не успел он спросить у приезжего, зачем ему это понадобилось, как уже все понял сам: Юро просто хотел половчее его связать. Он быстро обкрутил Фетепу веревками, подобно тому как наматывают нитки на катушку, затем забросил его на лошадь, привязал его там перед собой и вскочил в седло.

— Дело в том, что я должен оказать добрую услугу одной известной особе,— приветливо разъяснил он пану вахмистру.

Пан Фетеп ничего не ответил. Он лежал, как мешок с мукой, и видел перед собой убегающую землю степи с выжженными солнцем желтыми метелками трав.

Затем это исчезло, появилось кукурузное поле, потом снова степь. Солнце начало клониться к закату.

Наступила темнота, вахмистр почувствовал усталость.

— Переверни меня на другую сторону,— сказал он своему похитителю.

— Сейчас уже будем на месте, пан вахмистр,— вежливо успокоил его Юро.

Послышался гул реки, потом он пропал, и издали донеслось ржание коней. Вахмистр к тому времени уже потерял сознание.

Очнувшись, он увидел костер и около огня удивленную Гедвику Крумпотичеву; сам же он лежал на земле, как тюк ваты, и слышал, как Юро сказал Гедвике:

— Так я привез его тебе.

И Юро ушел в деревню, где зарылся дома в сено и спокойно уснул.

Утром за ним пришли четники...

Когда Юро досиживал в тюрьме уж третий месяц из восьми, которые ему присудили за то, что он, как утверждал на суде, хотел угодить одной особе, ему сообщили, что в конторе его ожидает посетитель.

Юро привели в контору, а тут, к возмущению всех присутствующих, к нему на шею бросилась красивая молодая девушка и начала его страстно целовать, крича:

— Мой Юро, я вправду тебя люблю!

Когда она его отпустила, Юро стал осматриваться вокруг как бы спросонья: ведь это была Гедвика.

Затем он подал ей руку и хотел сказать что-то очень хорошее, но слова никак не шли с языка. Наконец, через некоторое время он выдавил из себя:

— Гедвика, ухаживай хорошенько за моими черным и гнедым жеребятами. Ведь они теперь не только мои, но и твои...

Вот какова любовь в Мезимурье!

Поссорились

Разговор, вначале совершенно спокойный и рассудительный, постепенно становился все более и более бурным, пока в конце концов не перерос в ссору. Крики ссорящихся долетали до самой долины, и пес Мико, стороживший в загоне овец, принялся отчаянно лаять.

Оба, Юрко и Яно, сидели друг против друга на обломках скал и внимания не обращали на то, что разложенный ими костер постепенно угасал, а табак в их трубках-«запекачках», вложенных в горячий пепел, превратился в уголь.

Пасущиеся вокруг овцы начали беспокойно метаться, а несколько коз, которые ощипывали на утесах редкую траву, даже примчались сюда, что сопровождалось грохотом камней, сыпавшихся из-под их ног. Они встали вокруг костра и тупо уставились на обоих пастухов. А большой козел настолько расхрабрился, что подобрался к самому костру и занял боевую позицию, будто тоже собирался ввязаться в ссору.

Суслики, которые до начала раздора спокойно посвистывали на камнях, умолкли и попрятались в расщелинах скал.

Вся окрестность, привыкшая за пять лет всегда видеть Юрко и Яно спокойно разговаривающими и великолепно уживающимися друг с другом, была взбудоражена.

Ссора никак не вязалась с окружающим спокойствием. Ничто здесь не нарушало тишины, кроме вытекающего из родничка ручья, да иной раз какого-нибудь камня, который, оторвавшись от оплетенной горным мхом скалы, с легким шумом несся вниз, в долину, где его задерживали развесистые лапы горной сосны.

Временами, разумеется, налетала буря, но и она не слишком нарушала общий покой, поскольку в горах была явлением совершенно естественным.

А вот то, что происходило сейчас, не укладывалось ни в какие рамки. Целых пять лет вся окрестность наблюдала, как по утрам Юрко и Яно спокойно выгоняли овец и коз сюда, на гору, как они благодушно покуривали свои «запекачки», а вечером, когда там, глубоко внизу, вечерняя мгла покрывала прозрачной сетью верхушки хвойных деревьев, они так же спокойно гнали опять стада вниз, на плато, где стояли загоны и деревянная хата сыроварни.

Привязанный длинной веревкой к изгороди пес прыгал и метался; привлеченный его лаем бача¹ Порай вышел из хижины, где варил в котле жинчицу², и подошел к самой загородке.

Высоко на горе Яно и Юрко казались точечками, но их крики доносились сюда вполне отчетливо.

— Я бы тебя...— кричал Юрко.

— Я тебя...— гудел Яно.

— Только попробуй! — орал Юрко.

— Я тебя придушу! — угрожал Яно.

— Штефка — моя девушка! — горланил Юрко.

— Штефка моя! — снова гудел Яно.— Я тебе когда-нибудь откручу голову!

Бача Порай заслонил ладонью глаза и с тревогой поглядел на эти маленькие точки. Убедившись, что парни продолжают сидеть на своих местах, он прикрикнул на собаку и, задумавшись, вернулся в хату к котлу с жинчицей.

¹ Бача — старший чабан (словацк.).

² Жинчица — сыворотка (словацк.).

Помешивая в котле, он качал головой и бурчал про себя:

— Разве такое могло случиться в мои молодые годы? Да никогда! И из-за чего это? Из-за чего ругаются? Из-за девчонки!

Бача задумался над пенящейся жинчицей. Мысли снова унесли его к временам юности, и опять он проворчал:

— Разве такое случалось в мои молодые годы?

Между тем ссора на горе не утихала, и хорошо, что бача Порай вернулся к своей жинчице, иначе он очень огорчился бы, что те, наверху, продолжают угрожать друг другу.

— Я тебя...— кричал Юрко.

— Я тебя...— гудел Яно.

— Видно, все еще ругаются,— ворчал бача, слыша, что пес не перестает лаять.— И как они еще друг на друга не набросятся из-за этой Штефки из Долинки.

Он прищурил левый глаз, как всегда, когда размышлял о чем-то серьезном. «Эх, что там Штефка,— рассуждал он сам с собой.— То, что каждую неделю она с матерью приходит к нам сюда, на гору, и приносит из деревни хлеб,— это хорошо. А вот что один раз ее провозжает вечером Яно, а другой раз — Юрко,— это уж непорядок. Либо тот, либо другой, но чтобы оба по очереди?.. Или уж все время этот, или все время тот. Или уж никто».

Бача загляделся на поднимающийся от кипящей жинчицы пар и вздохнул:

— Боже мой, и что это за люди теперь пошли!

Между тем на горе оба уже охрипли и на время замолкли. И только теперь они заметили, что костер чуть потрескивает и угасает. Вытащив из пепла свои трубки-«запекачки», они увидели, что табак в них совсем обуглился.

Каждый бросил на затухающий костер по охапке хвороста и, не говоря ни слова, выколотил свою трубку. Затем Юрко вынул из-за пояса мешочек с табаком и так же молча набил себе «запекачку». Яно, который выкурил свой запас табака еще три дня назад, жадно смотрел на Юрко. А тот снова завязал мешочек и спокойно засунул его обратно за пояс. Трубку он вложил в червенеющий пепел и стал ждать. Когда из чубука показался дым, Юрко вынул трубку из костра, выдул дым, вытянул ноги и закурил.

Он спокойно выпускал клубочки дыма, и те кружились и облачками поднимались в чистом горном воздухе к ясному синему небу.

Ссора прекратилась. Овцы и козы опять паслись спокойно.

— Фиу, фиу,— подсвистывали суслики на скалах.

Яно, как зачарованный, смотрел на Юрко, который с наслаждением выпускал синие клубочки дыма. Внезапно его охватила непереносимая тоска. До сих пор Юрко всегда делился с ним табаком. А вот сегодня ему впервые приходится только с завистью смотреть на курящего Юрко.

И даже ветер как бы переметнулся на сторону Юрко: он гнал на Яно клубы табачного дыма, разжигая неистовое желание закурить.

Так прошло полчаса. Юрко выбил пепел, снова набил трубку и «запек» ее. Затем вызывающе вытянул ноги и, коварно поглядывая на приунывшего Яно, опять начал спокойно пускать дым.

— Юрко,— начал нерешительно Яно,— неужели ты сердишься?

Юрко не счел его достойным ответа и выпустил изо рта новый мощный клуб дыма.

— Юрко,— снова заговорил Яно, который был уже просто не в силах совладать со своим желанием.— Юрасек, я ведь хотел только подразнить тебя этой Штефкой. Веришь, мне и в голову не приходило... Если хочешь, я тебе поперек дороги не стану и со Штефкой

больше никогда не пойду. Вот те крест! Юрашек, будь так добр, дай мне немного табаку.

— На, насыпь себе,— ответил Юрко, подавая Яно мешочек.— Вот видишь, Штефка — моя девушка. Не мог сказать этого раньше?!

И в горной ложбине опять воцарились полное спокойствие и тишина, нарушаемые лишь потрескиванием веток в костре и журчанием маленького ручейка.

Когда же солнце зашло за вершину Дереша, а Юрко и Яно вернулись с овцами к загону, бача сказал им:

— Ну, ребята, новость: Штефка выходит замуж за Калинчака из Валаски, и теперь хлеб нам будет приносить только ее мать. Если б вы пришли пораньше, а не ругались там, наверху, могли бы Штефкину матушку проводить...

